УДК 9(5)

С.В. Ковалёв

У ИСТОКОВ ШАРИАТА: АБУ ХАНИФА И ЕГО ВРЕМЯ

Статья посвящена жизни и деятельности исламского правоведа VIII века Абу-Ханифы, основателя первого мазхаба, распространившегося Ираке, Египте и Северной Африке, а также некоторых областях Аравийского полуострова.

Ислам, Аббасиды, Омейяды, арабский халифат, сунниты, шииты.

В Багдаде, названном ее основателем, аббасидским халифом Джафаром аль-Мансуром, Дар ас-Салам – город Мира, в районе, называемом Азамийа – Величие, находится могила имама Абу-Ханифы. Именно в честь Ханифы ан-Нумана, основателя первого мазхаба (путь, по которому следует правовед – факих, или ученый – алим), считающегося великим имамом мусульман, и получил свое название этот район.

Естественно, определяющее влияние на формирование мировоззрения первых мусульманских правоведов оказала в корне изменившаяся обстановка в регионе, особенности становления мусульманского государства, взаимоотношения между народами, его составляющими.

В Коране и изречениях Мухаммада не содержалось никакого намека на идею завоевания мира. Пределы распространения ислама как единой монотеистической религии (включая «священную войну» с неверными) ограничивались лишь территорией населенного арабами Аравийского полуострова и поселений этнически близких к ним племен за его пределами. Коран содержит положения о том, что Мухаммаду поручено передать арабам ниспосланные ему религиозные откровения на их родном языке [1]. Осознание возможности распространения ислама появилось у первых мусульман лишь после смерти Пророка (632), в ходе завоевательных походов, предпринятых, в первую очередь, против Византийской империи и Сасанидского Ирана.

Длительные войны между Византией и Ираном (последняя из них продолжалась более 25 лет, с 604 по 630 год) причинили этим странам тяжелый экономический, военный и демографический урон. Что касается правящего клана Сасанидов, то он в последние десятилетия своего владычества был во многих отношениях стеснен в управлении из-за могущества зороастрийских жрецов-магов и непокорности представителей высшего сословия (васпухракан). В недрах династии возникли раздоры, зрели заговоры, приводившие к частым дворцовым переворотам. За пятилетний период, 628–632 годы, на престоле столицы госу-

[1] Коран / пер. с араб. и коммент. Н.О. Османова. М., 1997. 16:103, 26:195.

дарства Ктесифона сменилось, по крайней мере, девять властителей. В этих условиях крупные наместники при пограничных провинциях (шахрдары) постепенно становились все более самостоятельными, ослабляя тем самым центральную власть.

Окружение последнего из шаханшахов династии Сасанидов Йездигерда III (632/33–651/52) не могло не видеть, что этот властитель не обладает и толикой авторитета и силы, которыми располагали его прославленные предки, такие как Хосров I Ануширван (531–579) и Хосров II Парвиз (591–628). Но вряд ли кто-либо в Иране мог тогда предположить, что серьезная опасность над независимостью страны может нависнуть не со стороны извечного врага, Византии, или мятежных тюрков Средней Азии, а со стороны бедуинов Аравии (тайев, как их называли в Иране). Последних Сасаниды всегда презирали и не считали сильным противником. На население Аравии, «косматых верблюжатников», смотрели как на беспокойных соседей, вызывающих не более чем раздражение из-за нарушения спокойствия в приграничных областях. Однако именно арабы-мусульмане в течение десяти лет – 633–642 годы – нанесли войскам Древнего Ирана серию таких поражений, равных которым по силе не испытывали в этой стране со времен Александра Македонского.

Ранняя исламская догматика, как отмечалось, допускала ведение «священной войны». Однако теперь, когда боевые операции развернулись за пределами родины ислама, «заместители» посланника Аллаха, халифы, ограничили ее развязывание рядом условий: войну нельзя было вести ни ради обретения чужих земель, ни для достижения расового превосходства, ни в целях захвата власти. Она могла быть начата только с целью утверждения мусульманской веры, установления справедливых с точки зрения ислама общественных отношений, искоренения зла в тех его проявлениях, в которых они осуждались в поучениях Пророка [2]. Все мусульмане помнили слова, ниспосланные Мухаммаду при Худайбийи в 628 году и вошедшие позже в Коран: «Сражайтесь во имя Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не нападайте первыми. Воистину, не любит Господь нападающих первыми» [3].

Во всех захватнических войнах арабы обходились с вооруженным неприятелем достаточно жестко, однако не нарушали при этом общепринятых в те времена норм ведения боевых действий и правил обращения с пленными. Насколько известно, ни один из первых арабских полководцев не запятнал своего щита невинной кровью. Арабам было чуждо стремление к систематическому и варварскому опустошению целых областей, к чему успели приучить население Западной Азии сасанидские и византийские воинства за все время противоборства, растянувшегося на целые столетия. В итоге арабы нанесли коренным народам Востока намного меньший урон, чем позднее тюрки, крестоносцы или монголы.

Вторгшиеся в пределы южных византийских и иранских провинций первые мусульмане и их союзники с удивлением обнаружили, что местное населе-

---

[2] Мюллер А. История ислама от основания до Новейших времен. СПб., 1895. Т. 3. С. 121–124.
[3] Коран. 2: 190.

ние подчас смотрит на них как на избавителей от тяжелого гнета центральных властей и местного чиновничества. В отличие от них арабы предлагали более сносные условия существования в случае непротивления с оружием в руках, заключения мирных договоров (акд аз-зимма) и добровольной выплаты налогов. Еще перед первым походом на Сирию в 634 году халиф Абу Бакр (632–634) дал войскам следующие наставления: никого не обманывайте и не крадите; не поступайте вероломно; не увечьте и не умерщвляйте детей, стариков и жен; не сдирайте коры с пальм и не жгите ее; не рубите плодовые деревья; не уничтожайте посевы; не забивайте овец, быков, верблюдов сверх того, что понадобится для поддержания жизни. Если встретитесь с отшельниками, напутствовал первый халиф, не трогайте их [4].

Нельзя не отметить, что для того безжалостного времени подобные предписания были достаточно гуманны и, тем более удивительно, что они, как правило, соблюдались. Вследствие этого значительная часть местного населения не только не оказывала сопротивления мусульманам, но и часто выступала в качестве их союзников. В захваченных странах арабы познакомились с таким социальным обустройством, экономическими отношениями и формами собственности, которые еще не были известны в Аравии. Находясь на относительно более низком уровне общественного развития по сравнению с некоторыми из покоренных народов, арабы не могли сразу овладеть всеми развитыми у них механизмами сложного государственного управления и пока не видели в этом особой надобности, вполне удовлетворяясь добычей, захваченной в бою (ганима) или доставшейся без боя (фай), а также довольствуясь сбором налогов с населения. Завоеватели в покоренных странах заняли место верхнего господствующего слоя, до поры до времени оставили нетронутыми торгово-экономические связи и административно-фискальный аппарат, органы местного самоуправления, в том числе судебные учреждения и службы правопорядка. Податное население само заботилось о благоустройстве городов и деревень, следило за исправным состоянием дорог, мостов, колодцев и т.п.

При Сасанидах земледельцы выплачивали в государственную казну поземельный налог (хараг, харака) и подушную подать (гезит). Арабы учли всю выгоду этой иранской налоговой системы и использовали ее в своих интересах. В произношении арабов слово «хараг» стало звучать как харадж, «гезит» – как джизйа. «Если провинция или народ признают тебя, – напутствовал своих наместников Абу Бакр, – то заключи с ними соглашение и держи свое обещание. Пусть они руководствуются своими законами и установленными обычаями, собирай с них налоги так, как договоришься с ними. Оставь им их религию и землю» [5]. Практику осуществления сборов податей с иноверцев, позднее, в назидание Харуну ар-Рашиду, описал Абу Йусуф аль-Куфи (731–798) [6].

---

[4] См., напр.: Армур Р. Ислам и христианство: непростая история. М., 2004 ; Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при праведных халифах). М., 1982 ; Куфи абу Мухаммед Ахмад ибн Асам. Китаб аль-Футух (Книга завоеваний). Лондон, 1962. Т. 2. На араб. яз.

[5] Куфи абу Мухаммед Ахмад ибн Асам. Китаб аль-Футух. С. 171.

[6] Там же.

Поначалу делопроизводство в покоренных странах велось на привычных для чиновников и делового люда языках: персидском (пехлеви) на территории бывшей Сасанидской империи, греческом – в Сирии, коптском и греческом – в Египте. Составление списков податного населения и учет хараджа и джизйи были поручены прежним служащим местных налоговых ведомств. Они не только фиксировали податные поступления, но и часто распределяли их даже среди самих арабов.

Для населения покоренных арабами стран принятие ислама было делом привлекательным, так как помимо перспектив продвижения по службе приносило ощутимые материальные выгоды. Во-первых, все новообращенные, мавали (ед. ч. – маула или мавла), освобождались от уплаты джизйи, нанося тем самым весомый урон мусульманской казне, во-вторых, за каждым новым приверженцем «истинной веры» признавалось право на участие в дележе государственных доходов. Халиф Умар (634–644) настоятельно предписывал своим наместникам, чтобы каждый маула немедленно получал возможность пользоваться годовой «пенсией» (ата). Кроме того, все неофиты из числа рабов получали право на обретение свободы [7].

Чтобы обеспечить на более или менее продолжительный срок господство арабского меньшинства над все увеличивавшимся в ходе завоеваний большинством покоренных народов, рассеянных на обширной территории, завоевателям было необходимо выделяться из общей массы людей, сохранять в себе дух воинственности и превосходства. Этого можно было достичь лишь в том случае, если араб останется, в сущности, тем, кем он был всегда: бедуином, не привязанным к клочку земли, чувствующим себя как дома и под открытым небом, и в военном лагере. Халифом Умаром неслучайно было строго предписано, чтобы ни один мусульманин вне Аравии не приобретал недвижимое имущество и не занимался земледелием. В период первых завоевательных походов этот запрет неукоснительно соблюдался. В таких условиях принятие веры победителей приносило материальную выгоду только тем мавали, которые были представителями городских низов и сельскими бедняками, поскольку они и так не имели земли, которой запрещалось владеть на обретенных территориях. Данное обстоятельство подчас приводило к массовому обращению в ислам необеспеченных слоев населения покоренных арабами стран. По этой же причине, дабы не терять основного источника своего материального благополучия, крупные потомственные иранские землевладельцы, дехкане, несмотря на высокую земельную подать – харадж, продолжали оставаться хранителями своей веры, находясь по отношению к исламу в более или менее скрытой оппозиции.

Влияние материальных факторов во многом определяло и враждебное отношение к исламу зороастрийских жрецов. Переход населения покоренного Сасанидского Ирана в разряд мавали лишал верхний слой священнослужителей – мобедов, всех их привилегий и авторитета в обществе [8]. Рядовые же служители

---

[7] Батыр Р. Абу Ханифа. Жизнь и наследие. Н. Новгород ; Ярославль. 2007. С. 93.

[8] Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000. С. 34–37.

культа огня – маги, помимо понесенного «морального ущерба», часто вообще оставались без средств к существованию.

Стремление воздвигнуть преграды между победителями и побежденными ярко проявилось в тех предписаниях, которые халиф Умар включил в условия сдачи Иерусалима в 638 году. С этого момента иноверцам, в том числе «людям, находящимся под покровительством» мусульман (ал-ахл аз-зимма, зимми), запрещалось толковать смысл высказываний Пророка и насмехаться над исламскими обрядами. Запрещалось совращать мусульман с пути веры, покушаться на жизнь «правоверных» и их имущество. Возбранялось помогать врагам ислама и укрывать шпионов. Немусульмане обязывались отличаться от арабов и мавали одеждой; их жилища не должны были возводиться там, где поселились мусульмане; им запрещалось демонстративно пить вино; выставлять назло приверженцам ислама символы своей веры и публично ухаживать за свиньями. Они должны были избегать шумного совершения традиционных обрядов похорон, не имели права носить оружие, ездить верхом, кроме как на ослах или лошаках. Подавляющее большинство подобных предписаний было объяснимо, и к тому же они не всегда соблюдались. Перечисленные ограничения мало к чему обязывали немусульман, поскольку их образ жизни и внешний облик еще значительно отличались от того, что было принято у населения Аравии.

«Барское отношение» к лицам, сохранившим верность религии предков, не следует рассматривать как следствие проявления арабами-мусульманами высокомерия или осознания ими собственной исключительности. В годы первых завоевательных походов мусульмане придерживались мнения, согласно которому каждый, принявший ислам, становился как бы арабом. Суть состояла в другом: арабы-завоеватели подсознательно стремились оградить себя от смешения с покоренным населением, избегая любой возможности раствориться в его массе. Поэтому женитьба маулы-неараба или зимми на арабке считалась действием недозволенным и каралась порой очень жестоко, вплоть до смертной казни [9].

Исламское вероучение привлекало иранцев своей простотой, тем более что некоторые важнейшие представления об окружающем мире и религиозные обряды (вера в рай и ад, в конец мира и Судный день, совершение молитвы, обязанность давать подаяния) были им хорошо знакомы. Принимая ислам, зороастрийцы освобождались от многих жестко регламентированных церемоний, обрядов и обязательств, которые с самого рождения и до могилы определяли их жизнь и привязывали к магам. Ислам же к тому времени еще не успел разработать свою собственную строгую религиозную догматику и потому меньше сковывал независимое мышление.

Первоначально от желающих приобщиться к новой вере, помимо обязательного произнесения символа веры (шахада), требовалось исполнения только двух обязанностей: совершать молитву (салат) и вносить налог на имущество и доходы (закат) в пользу бедных и неимущих [10].

---

[9] Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. С. 84–85.

[10] Бартольд В.В. Культура мусульманства // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 243.

Тем не менее, многое удерживало иранцев-зороастрийцев от принятия новой религии. Это были обычаи и привычки, верность многовековой религии предков, которая по сути своего учения и нравственному значению нисколько не уступала по их понятиям величию веры завоевателей, а во многом и превосходила ее [11]. Необходимо также учитывать, что зороастризму был свойствен еще больший, чем исламу, дух нетерпимости к проявлениям инакомыслия. Судьбы религиозных реформаторов Мани (ок. 216–276) и Маздака (? – 528/29) были нелегкими, а их жизни закончились трагически. Вероучение Заратуштры считало подлинным человеком исключительно правоверного зороастрийца, а к народам, исповедующим другие религии, внушало относиться с неприкрытым пренебрежением: они неарийцы, «двуногие», «люди-насекомые». К ним не применимы слова, относящиеся к людям: они не рождаются, а «вываливаются», не умирают, а «околевают», не ходят, а «валятся» или «несутся», и их истребление угодно Ахура-Мазде [12].

Ислам в первое время воспринимался иранцами как чуждое учение на непонятном языке, навязанное в массе своей грубыми и малообразованными бедуинами. Он содержал предписания и обычаи, не привычные для зороастрийцев: положение о «чистой» и «нечистой» пище, воздержание от употребления опьяняющих напитков, обязанность преклоняться далекому и священному для мусульман Черному камню в мекканском храме Кааба и т.п. На бытовом уровне различия в вере часто проявлялись в казалось бы незначительных вещах. Так, в первоначальном исламе не было никаких следов враждебного отношения к собаке как нечистому животному. Подобно плевку в огонь, дурное обращение с этим древнейшим из одомашненных зверей являлось внешним проявлением некоторого пренебрежения, с которым мусульмане относились ко всем традиционным верованиям иранцев (включая манихейство и маздакизм). Все вышеизложенное привело к тому, что Иран, по большей части, оставался зороастрийским при первых четырех «праведных» халифах (632–661) [13].

Однако во второй половине VII века в Месопотамии и восточных провинциях Ирана широкую поддержку стали находить сторонники халифата и имамата Али ибн Аби Талиба – шииты. У народов Ирана издревле укоренилось убеждение, что шаханшах – суть воплощение Божественного духа, который наследуется представителями царского двора и присущ всем поколениям властителей. Поэтому для них казалось полной бессмыслицей избрание главы государства, за что ратовали сунниты или хариджиты. Став мусульманином, каждый из иранцев и думать не мог о необходимости искать себе владыку вне потомков дома Пророка. Эти воззрения были созвучны представлениям тех арабов, которые поклонялись Али, но по другим, конечно, мотивам. В данных обстоятельствах присущее иранцам мировосприятие слилось с шиитским. Поэтому шиизм иногда ошибочно считают порождением иранцев, своего рода персидским осмыслением идеологии ислама, «реакцией иранского духа против арабизма». Первыми

---

[11] Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С. 173–180.
[12] Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. С. 193.
[13] Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. С. 41.

шиитами, несомненно, были арабы, и лишь в годы существования халифата Омейядов (Умаййадов, 660–750) со столицей в Дамаске к ним примкнула значительная часть мавали из числа лиц коренного населения Ирана [14]. Академик В.В. Бартольд отмечал по этому поводу: «Шиитство нашло благоприятную почву среди персидского народа, но элемент оппозиции имел в этом случае больше значения, чем элемент национальности» [15]. Другими словами, членами «партии Али» (аш-шиат Али) становились все те, кто вне зависимости от национальной принадлежности был недоволен властью дамасских халифов.

Годы правления омейядских халифов Абд аль-Малика и его сына и преемника на троне ал-Валида I (705–715) обычно связывают с внедрением арабского языка в государственное делопроизводство. Данное нововведение, осуществленное около 700 года под патронатом грамматика и государственного деятеля аль-Хаджжаджа ибн Йусуфа, отражало, с одной стороны, стремление властей установить окончательный контроль над работой налоговых и податных учреждений, а с другой – послужило толчком к началу процесса превращения «языка Корана» в «латынь Востока», язык науки, изящной словесности, средства межнационального общения. Великий хорезмиец аль-Бируни, не будучи сам арабом, позднее писал, что исламский мир держится на духе арабского языка и что сам он предпочитает быть обруганным по-арабски, чем услышать восхваление на персидском языке [16]. С годами иранцы стали все последовательнее претендовать на достойное место в структуре высших государственных органов и в истории ислама. Обрели силу представления о том, что это вероучение частично базируется и на иранской составляющей. Получили распространение хадисы о значительном влиянии на Пророка его ближайшего сподвижника Салмана аль-Фариси, отрекшегося от зороастризма в пользу христианства, а затем примкнувшего к Мухаммаду и ставшего фактически членом его семьи. При этом особо подчеркивалось, что именно Салман спас первых мусульман от поражения со стороны мекканцев, предложив окружить Медину рвом и земляным валом перед битвой в 627 году. Другим важным элементом «иранизации» ислама явилась легенда, согласно которой второй сын халифа Али (656–661), шиитский имам аль-Хусайн (Хусейн, 625/26–680), женился на Джаханшах, плененной дочери (шахрбану) шаханшаха Йездигерда III. Эта легендарная царевна, переименованная в Салафу, будто бы родила аль-Хусайну сына, Али Асгара (654/55 или 658–713/14). После гибели отца в 680 году он (под почетными именами – лакабами – ас-Саджжад и Зайн аль-Абидин) стал четвертым по счету имамом и был, как следует из шиитских преданий, отравлен по наущению халифа аль-Валида I. Данное предание позволяло новообращенным иранцам считать потомков «династического брака» имама-великомученика и иранской царевны законными наследниками власти как пророка Мухаммада, так и шаханшахов Сасанидов [17]. Это явилось еще одной

---

[14] Батыр Р. Абу Ханифа. Жизнь и наследие. С. 41.

[15] Бартольд В.В. Культура мусульманства // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 175.

[16] Tritton A.S. The Caliphs and their Non-Muslim Subjects: a Cristal Study of the Covenant of Umar. L., 1970. P. 89.

[17] Куфи абу Мухаммед Ахмад ибн Асам. Китаб аль-Футух. Т. 2. С. 123.

причиной, по которой многие из них примыкали к шиитам, занимали сторону оппозиции, противостоящей Омейядам-суннитам. В то же время в ряде восточных провинций Халифата (Фарс, Керман и др.) население продолжало открыто исповедовать огнепоклонство, а жители Шираза не носили даже отличительного знака на одежде и поэтому ничем не отличались от жителей-мусульман.

В начале VIII века в среде мавали восточных провинций Омейядского халифата возникло движение шуубийа (от использованного в Коране слова «шууб» – «народы»), которое вылилось в своеобразную форму идеологической борьбы неарабских народов, главным образом иранцев, против арабской гегемонии. Шуубиты независимо от того, являлись они мусульманами или нет, не были последовательными противниками ислама, не участвовали в антиисламских движениях и в борьбе за доминирование родного языка. Они выступали против узкоарабской трактовки положений вероучения Мухаммада и ратовали за своего рода «космополитический ислам» [18]. Выдвинув тезис о культурно-историческом превосходстве иранской цивилизации над собственно арабской, участники движения шуубийа претендовали на ведущие роли в мусульманском сообществе. И когда благочестивый омейядский халиф Умар II (717–720) фактически уравнял в правах арабов и мавали, это снискало ему авторитет среди иранцев, которые нарекли его «пятым праведным халифом».

Можно по-разному относиться к правлению династии Омейядов: были в нем и взлеты, и падения, были личности во всех отношениях достойные и не очень. Ясно одно, что с уходом с политической арены потомков ее родоначальника, Умаййи ибн Абд Шамса, ушло нечто большее. «Падение Омейядов, – писал В.В. Бартольд, – навсегда положило конец политическому единству мусульманского мира» [19]. И действительно, иранцы и арабы, шииты и сунниты, зороастрийцы и почитатели Библии – все и вся оказались вовлеченными в необузданные вихри государственной ломки.

Приход к власти потомков аль-Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба и создание Аббасидского халифата (750–1258) оказали большое влияние на дальнейшую судьбу ислама и на всю последующую историю Ирана. Одним из важных следствий этой победы стало окончательное размежевание противостоящих религиозно-политических течений в исламе. Ввиду того, что законность прихода к власти династии Аббасидов признало суннитское большинство халифата, были предприняты шаги к постепенному превращению суннизма в официальное религиозное учение. При этом суннизм стал как бы олицетворением правящих кругов, шиизм – воплощением религиозной оппозиционности, а хариджизм – бунтарства и насилия.

Алидов, пока они держались пассивно, аббасидские халифы не трогали. В новых условиях притязания на власть прямых потомков Пророка Мухаммада от Али и Фатимы значительно ослабли: одно дело – вести борьбу против «нечестивых узурпаторов» Омейядов, другое – против потомков дяди Пророка, аль-

---

[18] Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. СПб., 1909. С. 5.

[19] Бартольд В.В. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 25.

Аббаса. Часть шиитов (давандиты) признали права Аббасидов на халифат и практически прекратили борьбу. Именно они повсеместно пропагандировали идею о том, что внук «праведного» халифа Али, Абдаллах ибн Мухаммад ибн аль-Ханафийа, перед своей смертью в 716/17 году втайне передал все права на имамат аббасиду Мухаммаду ибн Али, вручив ему так называемый «желтый свиток», содержащий тайный завет Пророка. Другая часть шиитов так и осталась в неизменной оппозиции к Аббасидам, формируя протестные умонастроения у населения и возглавляя народные движения, направленные против центральной власти, кем бы персонально она ни возглавлялась [20].

Еще одним следствием прихода Аббасидов к власти было создание благоприятных условий для так называемой «иранизация халифата» (истиджам), эпохи «сильнейшего иранского влияния в истории мусульманского Востока». Неудивительно поэтому, что в условиях таких политических и религиозных потрясений протекала жизнь потомка иранского военнопленного периода покорения Ирана арабами и основателя первого мазхаба Абу Ханифы (699–767). Он был современником последних халифов из династии Омейядов и первых халифов из династии Аббасидов. Когда он родился, Омейяды еще прочно держались у власти, но позднее он видел их крах и падение; на глазах Абу Ханифы возник Аббасидский халифат.

Абу Ханифа, конечно же, не мог оставаться в стороне от новых реалий, событий и великих перемен. Более того, он просто не мог не принимать в них участия, так как имел реальную возможность влиять на ход истории, подвергаясь в свою очередь влиянию происходящего.

Так, например, Абу Ханифа, не будучи шиитом, с большим воодушевлением приветствовал шиитские восстания против Омейядов или когда в 121 году хиджры (737 г.) Алид, он же Фатимид, внук имама Хусейна Зайд ибн Али, поднял в Куфе восстание против омейядского халифа Химама Абу Ханифа, хотя не присоединился к восставшим, но своим авторитетом поддержал это опаснейшее предприятие. Своим ученикам он заявил: «Зайд ибн Али напоминает мне пророка, да благословит его Аллах и да приветствует в день боя при Бадре!)» [21].

Разумеется, власти не могли оставить без внимания деятельность Абу Ханифы, простить ему поддержку восставших так же, как и отказ стать хранителем печати наместника Куфы, что стоило ему тюремного заключения и бичеваний. По преданию великий факих заявил о наместнике ибн Хубайре следующее: «Да я не стал бы молиться с ним в одной мечети, а он хочет, чтобы я ставил печать на то, что он напишет своей рукой, испачканной в крови злодейски убитых людей. Никогда не бывать этому» [22].

Последний, но не менее тяжелый период жизни Абу Ханифы пришелся на правление Аббасидов. Опальный правовед, бежавший в Мекку за два года до свержения Омейядов, то есть в 130/748 году, возвращается на родину при втором аббасидском халифе аль Мансуре, взошедшем на престол в 136/754 году.

---

[20] Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами. С. 127–129.
[21] Куфи абу Мухаммед Ахмад ибн Асам. Китаб аль-Футух. С. 24.
[22] Там же. С. 24.

Абу Ханифа сначала приветствовал приход Аббасидов, родственников пророка, но по традиционной версии это отношение изменилось после нарушения новыми правителями обещаний роду Али. Через небольшой промежуток времени власти вновь стали преследовать Абу Ханифу. Только теперь он подвергся еще более жестоким гонениям, чем прежде. За новым отказом занять государственный пост кади (судьи) в новой столице и тем публично объявить о своей полной лояльности аль-Мансуру последовали тюрьма и бичевания, ставшие причиной смерти ученого в 150/767 году [23]. По сохранившейся традиции после смерти имама халиф аль-Мансур, раскаиваясь в содеянном, не переставал повторять: «Кто же из живых и мертвых мог бы оправдать меня, кроме Абу Ханифы» [24]. В эту переломную и неспокойную эпоху Абу Ханифа, будучи настоящим подвижником, продолжал стремиться к истинному знанию, сохранял свои убеждения и оберегал свою веру. Его мазхаб распространился в Сирии, Иране, Египте и Северной Африке, а также некоторых областях Аравийского полуострова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армур, Р. Ислам и христианство: непростая история [Текст]. – М. 2004.
2. Бартольд, В.В. Культура мусульманства [Текст] // Соч. – М., 1966. – Т. 6.
3. Бартольд, В.В. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности [Текст] // Соч. – М., 1966. – Т. 6.
4. Бойс, М. Зороастрийцы. Верования и обычаи [Текст]. – М., 1987.
5. Гойтейн, Ш.Д. Евреи и арабы (их связи на протяжении веков) [Текст]. – М., 2001.
6. Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке [Текст]. – М., 1980.
7. Иностранцев, К.А. Сасанидские этюды [Текст]. – СПб., 1909.
8. Колесников, А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при праведных халифах) [Текст]. – М., 1982.
9. Коран [Текст] / пер. с араб. и коммент. Н.О. Османова. – М., 1997.
10. Кривов, М.В. Византия и арабы в раннем Средневековье [Текст]. – СПб., 2002.
11. Куфи абу Мухаммед Ахмад ибн Асам. Китаб аль-Футух (Книга завоеваний) [Текст]. – Лондон, 1962 – Т. 2. – На араб. яз.
12. Мюллер, А. История ислама от основания до новейших времен. – СПб., 1895. – Т. 1.
13. Основатели четырех мазхабов [Текст]. – М. ; СПб., 2005.
14. Пигулевская, Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы [Текст]. – СПб., 2000.
15. Батыр, Р. Абу Ханифа. Жизнь и наследие [Текст]. – Н. Новгород ; Ярославль, 2007.
16. Morony, M.Y. Irag after the Muslim Conguest [Text]. – L., 1984.
17. Tritton, A.S. The Caliphs and their Non-Muslim Subjects: a Cristal Study of the Covenant of Umar [Text]. – L., 1970.

---

[23] Батыр Р. Абу Ханифа. Жизнь и наследие. С. 108.

[24] Куфи абу Мухаммед Ахмад ибн Асам. Китаб аль-Футух. С. 134.

S.V. Kovalev

THE ORIGIN OF SHARIA: ABU HANIFA AND HIS TIME

The paper centers on the life and work of Abu Hanifa, an Islamic lawmaker of the 8th century, the founder of the first school of Islamic religious jurisprudence, which later spread to Iraq, Egypt, North Africa, and some parts of the Arabian Peninsula.

Key words: *Islam, the Abbassides, the Ommiads, Arabian Caliphate, Sunnites, Shiites.*